

Совѣтская распутица

Новый разгул совѣтскаго террора поражает не своею жестокостью и не своими размѣрами. По этой части совѣтскій террор давно уже всѣ міровые рекорды побил и удивить никого не может. Нынѣшній террор притягивает к себѣ вниманіе неожиданностью, немотивированостью своего обостренія и своеобразностью соціального состава своих жертв.

Чудовищный террор перваго десятилѣтія совѣтской власти нельзя было простить, но можно было понять как озвѣреніе в гражданской войнѣ; как стремленіе уничтожить живую силу своих политических, классовых, идеологических противников.

Омерзителен был по своей безпробудной, тупой жестокости и позднѣйшій террор во время принудительной коллективизаціи. Но и здѣсь ясны были цѣли, мотивы, ими опредѣлялся соціальный состав жертв.

Нынѣшній же, с быстротою и остротою эпидеміи вспыхнувшій террор поражает своею внезапностью, своею с перваго взгляда безпричинностью, неопредѣленностью соціального состава своих жертв.

Вулкан террора начал с невѣроятною свирѣпостью изрыгать кровь и грязь как раз тогда, когда его наблюдатели и изслѣдователи стали приходить к твердому убѣжденію, что он потух и теперь будет покрываться молодою зеленью мирной жизни.

Вѣдь в послѣдніе два года так много и охотно говорили о спускѣ на тормозах и такія большія надежды на это возлагали.

Спуск совершался медленно, со скрипом, с задним ходом, но все-таки совершался. Совершался одновременно и в экономической и в идеологической области.

Дѣлались уступки крестьянству, которому отводились мелкіе приусадебные участки для собственного хозяйства, разрѣшалось имѣть мелкій скот, корову, но до права на лошадь медленная улитка сталинских уступок не допозла. Города оживились базарами, куда крестьянам разрѣшили привозить на продажу всяческую снѣдь. Разрѣшены были личныя сбереженія. Всячески поощрялась красивая, веселая жизнь. Отмѣнены бѣли ограниченія, связанныя с социальным происхожденіем. Разрѣшено было любить отечество и испытывать патриотическую гордость. Во внѣшней политикѣ взят был курс на сближеніе с демократическими государствами и на поддержку Народнаго Фронта. Был взнудан Коминтерн. И, наконец, провозглашена была “самая демократическая в мірѣ” сталинская конституція со всеобщим избирательным правом, тайным голосованіем и упраздненіем совѣтов.

Все это были ложки меда в коммунистической бочкѣ. Но лиха бѣда начало. Напор неудовлетворенных народных нужд и чаяній так велик, что он прорвал коммунистическую плотину, и казалось, что вызванный им спуск на тормозах будет все шире развиваться, открывая столь жданную и желанную возможность мирной развязки революціонной трагедіи.

Так пугала перспектива новой революціи и связанных с нею трагических внѣшних осложненій, так хотѣлось вѣрить, что Россія, тяжело и медленно останавливаясь и отступая, все же поднимается по крутой лѣстницѣ матеріальнаго благосостоянія и политическаго раскрѣпощенія.

Многое тут было от “уповаемых извѣщенія”, но были и совершенно бесспорные и многозначительные факты спу-

сканія на тормозах.

Поучительность и трагичность переживаемых событій заключается не в том, что спуск этот существовал лишь в нашем воображеніи. Он существовал в дѣйствительности и, как мы увидим ниже, весьма возможно, что он вскорѣ вновь возродится. Трагичность создавшагося положенія в том заключается, что этот спуск в том видѣ, в каком его практиковал и по своему характеру только и может практиковать Сталин, не в состояніи выполнить исторической миссіи мирнаго обновленія страны.

Темп политическаго и экономическаго роста страны, напор уже давно назрѣвших, стоящих в долгой и длинной исторической очереди экономических и политических вопросов так сильны, велики и неотложны, что скрипучая, медленная, с постоянными перебоями работа сталинских тормозов все больше отстает от велѣній времени, все меньше обнаруживает достаточную пропускную способность к уже назрѣвшим и назрѣвающим потребностям страны.

Как мы увидим ниже, это все нарастающее расхожденіе между темпом назрѣвших потребностей и проясняющагося сознанія страны и нудными, постоянно оглядывающимися назад темпами спусканія на тормозах даже в тѣ періоды, когда это спусканіе происходит, создало почву, на которой возникла нынѣшняя совѣтская распутица и вспыхнула эпидемія буйнаго террора.

Первые тучи этого возвратнаго террора появились на совѣтском небосклонѣ в связи с борьбою между Сталиным и старыми большевиками.

Вопреки заклинанію Ленина, ссылавшагося на устрашающій примѣръ французской революціи и предостерегавшаго против террора, направленнаго на дѣятелей революціи, вопреки своим собственным предостереженіям во время борьбы с оппозиціей, Сталин не избѣг судьбы революціоннаго Сатурна, пожирающаго собственных дѣтей и начал кровавую борьбу со старыми большевиками.

Поднявшіе террор от террора погибнут.

Но этот террор по отношенію к старым большевикам не только не подрывал вѣры в спуск на тормозах, но ее укрѣплял, кровью запечатлѣвал.

Вѣдь эти старые большевики были противниками новаго курса Сталина. Они обвиняли его в измѣнѣ завѣтам Октября, в термидоріанствѣ. Они как бы являлись напоминаніем и укором ему в нечистой коммунистической совѣсти, торчали какими-то политическими пугалами на путях спуска на тормозах. Расправа Сталина с этими старыми большевиками несомнѣнно встрѣчала полное сочувствіе в извѣстных слоях населенія не только потому, что с именами многих из них ассоціировались воспоминанія о самых страшных годах Россіи и что руки многих из них были в террористической крови. Расправу Сталина над ними привѣтствовали, так как видѣли в ней вѣрное доказательство, что дни коммунизма сочтены.

Террор против старых большевиков разсматривался и привѣтствовался, как историческая Немезида за всѣ ужасы большевизма и как выход на новый историческій путь.

Совѣтскій террор, описав 360 градусов, обрушился на тѣх, кто его сѣял. Но — и в этом знаменіе времени — возвратный террор не ограничился старыми большевиками. Он рос вширь и вглубь. Сначала незамѣтно, потом все очевиднѣе его начали питать какіе-то новые мотивы и источники. Он начинает поражать все новые и все болѣе пестрые соціальные слои. Соціальный характер жертв мѣняется, к ним все гуще начинают примѣшиваться элементы, не имѣющіе никакого отношенія ни к старым большевикам, ни к дореволюціонным слоям. Тут и директора фабрик и заводов и ученые новой совѣтской формаціи, дѣятели національных республик, мелкіе служащіе, представители арміи.

Чѣм дальше, тѣм разнообразнѣе становится соціальный характер жертв новаго террора, тѣм труднѣе свести их к общему политическому и соціальному знаменателю.

Публикуются лишь имена крупнѣйших совѣтских савошников, осуждаемых на разстрѣлы или в тюрьму. В ком-

мунистическом государствѣ по отношенію к казнимому и гонимому плебсу поступают так, как Иван Грозный поступал по отношенію к массовым казням, он велѣлъ монастырям поминать души казненных, “имена коих ты сам, Господи, вѣси”.

И мы не знаем имен рядовых людей, разстрѣливаемых Сталиным. Этой чести достаиваются лишь особы первых классов, остальные разстрѣливаются анонимно и лишь скупом сообщаются их званія и должности. Это глухія указанія с несомнѣнностью свидѣтельствуют о том, что сейчас разстрѣливаются люди всякаго званія, специальности, національности, возраста. Многіе из них выросли при совѣтском строѣ, иног не знают, им воспитаны, многіе своею личною карьерою всецѣло обязаны совѣтскому строю, иные и лично Сталину. Многіе из них занимают на совѣтской службѣ видныя и сытныя мѣста, нѣкоторые — самыя блестящія.

Все это, казалось бы, тѣ новые соціальные слои, на которых в своей борьбѣ со старыми большевиками и в своей политикѣ спуска должен был опираться Сталин. Эти элементы меньше всего мечтают о втором пришествіи революціоннаго коммунизма, меньше всего они препятствуют сталинским уступкам и отступленіям.

Возьмем хотя бы разстрѣлянных генералов. Из них ни один не принадлежал к старым большевикам, ни один вообще не выступал в роли идеолога. Тухачевскій сдѣлал свою блестящую карьеру при большевиках, свое высокое маршальское званіе и свои громкіе чины и ордена получил милостью Сталина. И меньше всего Тухачевскій мог быть недоволен отступленіями Сталина от коммунистической вѣры.

А такіе разстрѣлянные генералы, как Якир и Гамарник. Оба они евреи, выросшіе в чертѣ осѣдлости, навидавшіеся всяких преслѣдованій и несправедливостей. При большевиках оба они сдѣлали блестящую карьеру. Один держал в своих руках всю политическую организацію арміи, другой быстро двигался по боевой военной карьерѣ и занял

высокій пост.

Всѣх их Сталин еще недавно посылал за границу с высокой миссіей, оказывая им этим свое монаршее довѣріе.

Еще характернѣе в этом отношеніи всѣ эти разстрѣливаемые директора заводов, желѣзнодорожные высокие чины, кооператоры, администраторы и т. д. Подавляющее большинство из них и по возрасту и по карьерѣ принадлежат к новому поколѣнію и к новому соціальному слою, поднявшемуся к власти при Сталинѣ и по его милости.

Никаких личных мотивов для недовольства у них не было, не было и мотивов политических, общих со старыми большевиками.

Значит у Сталина порвалась какая-то связь, обнаружались какія-то разхожденія с представителями тѣх новых соціальных слоев, которые при нем поднялись к власти и на которых он опирал свою новую соціальную политику. Это самый знаменательный и заслуживающій самага пристального вниманія факт.

Факт антисталинской оріентаціи многих видных представителей уже не стараго большевистскаго боярства, а новаго служилаго сталинскаго дворянства, заставляет придти к заключенію, что многіе из нас преувеличивали, так сказать, пропускную способность спуска на тормозах и в то же время не дооцѣнивали роста требованій и роста сознанія страны.

Ход нынѣшних событій показал, что сталинскія отступленія и уступки дозируются так гомеопатически, с таким запозданіем и с такими камнями за пазухой, что темп накопленія и раздраженія неудовлетворенных потребностей обгоняет вялый темп сталинских уступок. Не слѣдует так-же забывать, что в безправных странах всякая частичная уступка не только насыщает какую то неудовлетворенную потребность, но и раздражает новую, нетерпѣливо требующую удовлетворенія, поднимает общій тонус потребностей.

Вслѣдствіе всего этого диспропорція между дѣлаемыми уступками и нарастающими потребностями не притупляет-

ся, а обостряется.

Надо тут принять во вниманіе еще одно очень важное обстоятельство. Сталин разрушил вѣру в несокрушимость, в незыблемость, во спасеніе большевистской догмы. Разстрѣливая старых большевиков, представителей этой догмы, дѣлая отступленіе, он тѣм самым убивал вѣру в незыблемость и непогрѣшимость ученія коммунистических отцов. И как раз у людей сильной воли, энергіи и инициативы, стоящих у кормила большого хозяйственного, военного или административнаго дѣла, скорѣе чѣм у других сказывалось нетерпѣливое стремленіе во имя любимаго дѣла сказать "б" послѣ сказаннаго Сталиным "а". Если можно мѣнять устои большевистской вѣры, если приходится разстрѣливать большевиков, эти устои охраняющих, то зачѣм же останавливаться на полдорогѣ, почему не снять тѣ большевистскіе кандалы, которые давно и нестерпимо вѣѣлись в хозяйственное тѣло страны, зачѣм носить тяжелыя большевистскія вериги, когда убита вѣра во спасительность большевизма, а носители ея разстрѣливаются самим же Сталиным?

Мелкія и неискреннія уступки Сталина не только не снимают эти вопросы, но еще сильнѣе их обостряют.

Всякая попытка в любой области сдѣлать рѣшительный шаг вперед вызывает ляг большевистских кандалов, позволяющих двигаться лишь черепашіим шагом, всякое смѣлое движеніе вперед заставляет наталкиваться на большевистскія проволочныя загражденія.

Совѣтская печать ежедневно пестрит свѣдѣніями со всѣх концов Россіи об открываемых новых очагах измѣны, предательства, троцкизма, вредительства. Какіе бы ярлыки совѣтская власть не наклеивала на эти явленія, они показывают, что и новый соціальный слой выдвигает из своих рядов все растущее количество недовольных, хотя бы это недовольство и не всегда принимало политически членораздѣльный характер. Во время гражданской войны многіе на картѣ Россіи разставляли флажки разных цвѣтов, отмѣчавшіе про движеніе фронтов. Если бы теперъ такими флажками отмѣ-

тить мѣста, гдѣ производятся разстрѣлы, аресты, ссылки, то вся карта Россіи от хладных финских скал до пламенной Колхиды запестрѣла бы передвигающимися фронтами отчаянной упорной гражданской войны в новых формах.

Надо обратить вниманіе на слѣдующій поучительный факт. Всѣ совѣтскія сообщенія о новых арестованных вредителях, “шпіонах”, “троцкистах” и т. д. всегда сопровождаются стереотипною фразою: “в дѣлах возбудить недовольство против партіи и правительства”. А затѣм идет поясненіе, что в этих именно дѣлах наркомзем Бѣлорусіи занимался бракоразводными дѣлами между коровами и быками, а завѣдующій рыбными промыслами на Дальнем Востока заказывал рыбныя сѣти с такими большими отверстиями, что рыба свободно в них проскальзывала, безчисленныя крушенія на желѣзных дорогах, остановки на фабриках — все это дѣлалось с дѣлюю вызвать недовольство. Это стереотипное указаніе чрезвычайно поучительно. Оно показывает, что весь хозяйственный развал вызывает недовольство и недовольство это направляется “против партіи и правительства”. Ход вещей здѣсь по всѣм видимостям таков. Через своих безчисленных сотрудников на мѣстах Г.П.У. получает извѣщеніе, что в таком-то городѣ или заводѣ замѣчается недовольство, направленное против партіи и правительства в связи с тѣм или иным новым проявленіем хозяйственной разрухи или безхозяйственности. В отвѣтъ на это Г.П.У. арестовывает соотвѣтствующаго директора, инженера, желѣзнодорожника, выбирая тѣх, которые своею энергіей, независимостью и сознательностью числятся в ряду неблагонадежных. Этим сразу убиваются два зайца. Во первых, изымается из обращенія лицо, заподозрѣнное во вредном образѣ мыслей, а во вторых, оно же служит громоотводом проявившагося недовольства.

Сталин считает недопустимою крамолою нарастающее недовольство новых соціальных элементов. Он беспощадно расправляется со старыми большевиками, требующими возвращенія назад к октябрьским революціонным позиціям, он

начинает столь же беспощадно расправляться с авангардом новой соціальной смѣны, требующей настоящаго движенія вперед в сторону раскрѣпощенія от большевистских колодок, уродующих живое развитіе страны. Борьба пока идет не на идеологическом фронтѣ, а на фронтѣ интересов арміи и хозяйства, добычи угля, производства стали, движенія желѣзных дорог. Сталин передвигает свою политическую ставку ниже, к тѣм слоям населенія, которые политически безропотно и безсловесно принимают с великою благодарностью и лестью все, что он ниспошлет им в порядкѣ монаршей милости, не обнаруживая со своей стороны никаких требованій, никакой отвѣтственности не только за судьбы страны, но и за судьбы ввѣренной им добычи угля, производства стали, обуви.

Перед революціей в Россіи говорили, что личныя пере-мѣны в администраціи совершаются по неизмѣнной формулѣ — преемник бездарнѣе и безличнѣе своего предшественника. По этой же формулѣ идут сейчас пере-мѣны и в личном составѣ сталинскаго правительства. Мѣсто талантливаго и энергичнаго Тухачевского пустует, зато получает высокое назначеніе тупой и невѣжественный матрос Дыбенко, извѣстный своими побѣдами на сухопутном женском фронтѣ. Разстрѣливается талантливый и инициативный Пятаков и возвеличивается глупый и бездарный Микоян. Ставка на безличных, безсловесных Молчалиных, для которых служить означает прислуживаться — такова новѣйшая установка Сталина.

Сталин ведет ожесточенную борьбу на два фронта. Он отступает от октябрьских позицій с террористическим боем, одинаково направленным и против тѣх, которые его тянут назад к Октябрю и против тѣх, которые толкают его вперед к раскрѣпощенію. Эта межеумочная позиція одновременно озлобляет и его самого и всѣх против него. Он повсюду видит измѣну, покушеніе на свою власть и на себя самого. Он видит себя окруженным врагами, кричит о мнимой “идіотской болѣзни — безопасности” и впадает

в подлинную идиотскую болѣзнь маніи преслѣдованія и шпиономаніи. Инстинкт самосохраненія государства, отнюдь Сталину не чуждый, заставляет его отречься от октябрьских завѣтов, но звѣриный инстинкт личного самосохраненія, все чаще и все сильнѣе вступающій в конфликт и с инстинктом государственного самосохраненія, заставляет его всюду, гдѣ только проявляется какая-нибудь политическая жизнь и мысль, видѣть личную измѣну и всякое стремленіе к реформам разсматривать как крамолу, измѣну, покушеніе.

Сложное политическое положеніе, когда Сталину приходится играть роль своего собственного термидора и даже своего собственного брюмера и в то же время быть блюстителем революціи и большевизма, еще осложняется его личною подозрительностью, мнительностью, мстительностью, маніей преслѣдованія, наконец, его грубою азіатчиной.

Не будем поднимать вопроса об его вмѣняемости. Вопрос этот трудно разрѣшимый в условіях восточных деспотій. То, что здѣсь европейскому уму кажется невмѣняемостью, на самом дѣлѣ часто является лишь особою примѣткою этих деспотій. Вѣдь вот в теченіе вѣков остается неразрѣшенным вопрос, был ли Иван Грозный нормальным. Если врачи-психіатры объясняют поведеніе Ивана Грознаго “паранойей”, “ненстовым умопомѣшательством”, то историки подходят к вопросу осторожниѣе и, напримѣр, Платонов в своем этюдѣ об Иванѣ Грозном приходит к выводу, что “нѣтъ основаній вѣрить медикам”. “Медики, говорит Платонов, сочли Грознаго помѣшанным вырожденком, тогда как современные ему политики считали его крупною политическою силою”. Однако, проф. Платонов приходит тоже к заключенію, что Иван Грозный страдал маніей преслѣдованія, хотя “она не обратилась в опредѣленную душевную болѣзнь”. Не занимаясь психіатрическими діагнозами, отмѣтим лишь, что и у Сталина несомнѣнна эта манія преслѣдованія. И это громадное и уродливое увеличительное стекло маніи преслѣдованія не дает возможности сколько-нибудь точно опредѣ-

лить подлинныя размѣры роста политическаго недовольства в Россіи.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, многіе факты арестов, ссылок и даже разстрѣлов являются не столько открытіями, сколько изобрѣтеніями Г.П.У. или маніи преслѣдованія Сталина. Но за всѣм тѣм несомнѣнно, что на почвѣ обанкротившагося коммунизма создалась в Россіи великая смута умов и быта, ищущая, но еще не нашедшая своего политическаго и просто словеснаго выраженія. Не исключена возможность, болѣе того, весьма вѣроятно, что Сталин в ближайшее же время, быть может в связи с выборами, произведет какой-либо новый спуск на тормозах. Но спуск этот мог бы стать одушиной, клапаном задержанных, подавленных и потерявших терпѣніе потребностей только при условіи, если бы спуск был сильным, а тормоза слабыми. У Сталина же происходит наоборот — спуск вялый, а тормоза дѣйствуют с величайшей энергіей.

Орган тяжелой промышленности газета “За Индустриализацію”, возмущенно обличая вредителей, троцкистов и прочая, рассказывает, что они построили новѣйшій колоссальный химическій комбинат “Кемерово”, гдѣ вырабатываются крайне вредныя, удушливыя и прямо ядовитыя вещества, причем не позаботились об устройствѣ вентиляціи и форточек. . . “Да, химическій комбинат строится без форточек”, возмущенно восклицает официальный совѣтскій орган. Но вѣдь без этих форточек, без этой вентиляціи строится социализм в одной странѣ, пропитанной удушливыми газами большевизма, ядовитыми испареніями разлагающагося хозяйственно и морально коммунизма. И тут только через двадцать лѣтъ сообразили, что надо сдѣлать форточки и устроить вентиляцію. В сталинском социалистическом комбинатѣ люди задыхаются и отравляются не в меньшей степени, чѣм рабочіе в химическом комбинатѣ Кемерово и так же остро нуждаются в вентиляціи и форточках. Способен ли Сталин дать эту политическую вентиляцію?

Вряд ли. Скупо прорѣзывая “форточки” в своем

удушливом социалистическом комбинатѣ, Сталин сам пугается этой струи свѣжаго воздуха, этой тяги к чистому воздуху и начинает замазывать форточки и объявлять вредителями и шпионами лиц, впустивших через эти форточки свѣжій воздух. Ослабляя возжи, Сталин пугается и натягивает их еще сильнѣе, как только замѣчает, что кто-нибудь поднимает голову или голос. У него тут тоже раздвоеніе между инстинктом государственнаго самосохраненія и инстинктом личнаго самосохраненія, которое так мѣтко охарактеризовал Ключевскій по отношенію к Ивану Грозному. “Вопрос о государственном порядкѣ — говорит Ключевскій о Грозном — превратился для него в вопрос о личной безопасности, и он, как не в мѣру испугавшійся человекъ, закрыв глаза, начал бить направо и налево. Значит, в направленіи, какое дал царь политическому столкновенію, много виноват его личный характер”.

В событіях, развертывающихся в Россіи, “много виноват” личный характер Сталина и этот же его характер, его двурушничество, манія преслѣдованія, его азіатское вѣроломство, все это лишает его психологической и политической возможности выполнить роль ликвидатора обанкротившагося социализма в одной странѣ.

Эволюціонная вмѣстимость сталинскаго режима оказалась слишком ничтожной даже для русской политической улиты. Политическое развитіе совѣтской Россіи перерастает, перегоняет сталинскую эволюціонность. Это обостряет ея нетерпѣніе, это же озлобляет сталинскую подозрительность. Политическія реформы стоят в длинной томительной очереди у глухих ворот исторіи. Продовольственные хвосты смѣняются длинными политическими хвостами и в арміи, и в хозяйствѣ, и в администраціи.

Идея необходимости политическаго раскрѣпощенія для нужд хозяйства и арміи, повидимому, начинает назрѣвать с нарастающей быстротой. Эта идея формулируется медленно, “по слогам”, вырабатываемая своим опытом и своим умом. Но тѣм она прочнѣе и надежнѣе.

Было время, когда жива была надежда, что Сталин выступит в роли рулевого этого медленного политическаго и хозяйственнаго раскрѣпощенія страны. Но эта надежда быстро исчезает в руководящих хозяйственных и административных кругах. Разстрѣл восьми генералов показал, что надежда эта погасла и в руководящих кругах арміи. Послѣ расправы над восемью генералами, над безконечною вереницею хозяйственных и административных дѣятелей Сталин похоронил надежду на раскрѣпощеніе сверху.

Ставя своею цѣлью в центрѣ всѣх государственных забот сохраненіе своей власти и неприкосновенность своей личности, подмѣнивая государственные интересы личными, Сталин достигает противоположнаго результата — его личность становится политическою мишенью, центром, на котором сосредоточивается недовольство и ненависть, гаршинским красным цвѣтком, который впитал и воплотил в себѣ все зло. В связи с этим в Россіи оживают настроенія дворцоваго переворота и индивидуальнаго террора.

Эти дворцово-террористическія настроенія не должны заслонять от нас знаменательный процесс пробужденія сознанія у новых соціальных слоев и поколѣній: военное, хозяйственное и культурное развитіе страны уперлось в тупик политическаго крѣпостнаго права и сталинскій спуск на тормозах слишком труслив, непослѣдователен и замедлен, он не открывает путей для мирнаго развитія страны.

Россія проходит сейчас два параллельных курса политграмоты. Офиціальный обязательный курс политграмоты, преподаваемый в школах, университетах, колхозах, фабриках и казармах, учит, что нѣту бога кромѣ Ленина и Сталин пророк его, что в Россіи построено соціалистическое государство и нѣт на свѣтѣ болѣе счастливаго и сытаго народа. Эта офиціальная политграмота всѣм очертѣла и от нея, как указывает и совѣтская печать, всячески увиливают. Наряду с этим нелегально преподает совѣм иную политграмоту сама русская жизнь. На опытѣ и фактах она показывает, что внѣ политическаго раскрѣпощенія нѣт спасенія

ни для хозяйства, ни для армии, ни для культуры страны. И что эта нелегальная политграмота хорошо усваивается населением, показывают аресты, расстрѣлы, переполненные тюрьмы и концентраціонные лагеря.

Страна мучительно и тяжело стремится разобраться своим умом и на основаніи своего опыта в кошмарѣ русской жизни. Эмигрантская печать, выполняя свою историческую миссію, должна помочь этому новому русскому поколѣнію политически осмыслить, оформить, выразить в свободном словѣ тѣ идеи и стремленія, до которых додумалось и страдалось новое русское поколѣніе на основаніи своего собственнаго опыта.

П. БЕРЛИН